

А. Л. Осповат

«ОЛЕГОВ ЩИТ» У ПУШКИНА И ТЮТЧЕВА (1829 г.)

Ниже рассматриваются следующие тексты.

Тютчев («Галатей», 1829, ч. VII, *Пушкин* («Северные
№ 34; без заглавия и подписи¹. цветы на 1830 год». СПб.,
Ц. р. — 22 августа): 1829. Альманах вышел в
20-х числах декабря):

Олегов щит

«О наша крепость и оплот,
Великий Бог, веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!»

«Алла, пролей на нас твой свет!
Краса и сила православных,
Бог истинный, тебе нет равных,
Пророк твой Магомед!»

Глухая полночь; все молчит!
Вдруг из-за туч луна сверкнула
И над вратами Истамбула
Зажгла Олегов щит!

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной
Строптиву Греку в стыд и страх
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели,
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

1.

Россия вступила в войну с Турцией в апреле 1828 г., но только летом 1829 г. сражавшаяся на Балканах армия И. И. Дибича добилась решительных успехов. 8(20) августа без боя был занят город Адрианополь; это открывало путь к турецкой сто-

лице, и судьба последней считалась предрешенной: «Мы <...> расстроим машину, которая более шумит, нежели работает, и без ключей, а прикладами и штыками отворим эти знаменитые врата в Константинополь!»².

Именно в такой обстановке давно предвкушаемого торжества увидело свет стихотворение Тютчева³, в котором отразилось летописное предание о византийском походе Олега в 907 г. (разгромив греков, Олег осадил их столицу; по получении дани он «повѣси щит свой во вратех показуа побѣду, и поиде от Царяграда»⁴). Это предание, достаточно распространенное в литературе XVIII в., вновь актуализировалось в начале XIX в. благодаря статье Карамзина «О случаях и характерах в российской истории...»⁵, а в 1822 г. Рылеев опубликовал думу «Олег Вещий», где был намечен мотив, широко эксплуатировавшийся в период войны 1828—1829 гг.: «Но в трепет гордой Византии И в память всем векам Прибил свой щит с гербом России К Царьградским воротам...»⁶; ср. в «Шестой фракийской элегии» Теплякова: «К вратам ли тем, где древний щит Прикован русскую рукою, Орел двуглавый полетит...», а также в анонимном стихотворении «Адрианополь»: «И скоро на златых вратах Орел двуглавый осенит Олега новгородский щит...»⁷ Тем примечательнее, что у Тютчева вовсе отсутствует аналогия между походами на Константинополь князя-язычника и православного императора.

Первая и вторая строфы его стихотворения — «молитвы» соответственно христиан и мусульман, причем в обоих случаях не выявлен национальный признак и не определены временные границы. В строфах этих как бы очерчены два внутренне однородных, абсолютно замкнутых и равновеликих ареала, от века и навсегда разъединенные религиозной враждой. Автор здесь едва ли не демонстративно объявляет себя сторонним и беспристрастным наблюдателем, — пренебрегая наличием общеупотребительной оппозиции «православный — правоверный [= мусульманин]», он вкладывает в уста защитников Стамбула автохарактеристику: «... <нас> православных...» (В 1854 г., при подготовке первого сборника Тютчева, здесь было восстановлено узуальное значение; в результате вторая и третья строки приобрели следующий вид: «Краса и сила правоверных. Гроза гяуров лицемерных...»⁸). И в третьей строфе нет однозначного истолкования конфликта, какое находим в финале вольно переведенного Тютчевым стихотворения Людвиг I Баварского «О Николай, народов победитель» (1829): «Но тот, о царь, кем держатся державы, Врагам твоим изрек их приговор <...> Над их главою ангел смерти бродит, Стамбул исходит — Константино-

поль воскресает вновь...»⁹ Более того, принципиальная двусмысленность этой строфы (и стихотворения в целом) входит, как увидим, в авторский замысел.

Наряду с *двуглавым орлом* общим местом в стихотворной продукции тех лет являлись также метонимические конструкции, использовавшие элементы турецкого герба (полумесяц, расположенный в центре щита): «Казалось: одной лишь *Османской луне* Без трепета можно скитаться В пустынной одежде седых облаков По диким ступеням Балканских хребтов. И вот мы на теме — гроза ж его спит! И гордо с него мы скатили *Луны Оттоманской поруганный щит...*»¹⁰; «То грозный *щит луны* — Балканы, К ним враг возвел надежный взор»¹¹; «Полно *хвастать вам луною...*»¹²; ср. в цитированной элгии Теплякова, где предрекается победа «двуглавого орла»: «И в Византию ль прах Стамбула, В когтях с перунами Кагула, *Луну низвергнув*, превратит...» или в «Прощании с Адрианополем» Хомякова: «И торок в мечтах будет зреть пред собой Тень крыльев Орла над *померкшей Луной!*» Не умножая примеров, подчеркнем, что все известные нам вариации носят единообразный характер, и на этом фоне особенно ощутим семантический сдвиг, осуществленный Тютчевым во второй строке заключительной строфы, — «Вдруг из-за туч *луна сверкнула...*» Олегов же щит, заженный луной (что провоцирует ассоциацию со «щитом луны»), в данном контексте может пониматься не только как символ победы, некогда одержанной славянами над Византией, но и как талисман, оберегающий Константинополь—Стамбул от захвата противником.

2.

Стамбул и на этот раз уцелел. К концу войны в русских правительственных кругах, осознавших необходимость сохранения Османской империи в качестве суверенной державы, сложилось мнение, что завоевание Константинополя представляет сугубую опасность для России¹³. Впрочем, Дибич, чья армия истощила свои ресурсы в ходе летнего наступления, практически не имел тогда шансов взять турецкую столицу штурмом¹⁴. 2(14) сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор. К России отошла значительная территория в Закавказье, а Николай I обеспечил себе моральный капитал в двойном даже размере: Порта, наконец признавшая право Греции на независимость, избежала разгрома и раздела. Как утверждала официальная пропаганда, Турции «дан мир из одного великодушия. <...> Ничто не могло удержать русских от водружения знамен на Св<ятой> Софии: удержали кротость и великодушие победи-

теля, слишком сильного, чтоб желать новой славы и новых приобретаний»¹⁵. Сходным образом оценивалась ситуация и многими представителями учено-литературного мира. «Состояние России теперь слава Богу: мы под Византией! — восклицал С. П. Шевырев в письме М. П. Погодину (из Рима) от 15(27) октября 1829 г. — Бог послал нам царя твердого. Душа его растворена ко благу. <...> Пушкину надо бы воспеть наши подвиги: остановиться у ворот Константинополя и вместо меча и огня предложить ему оливу и элей — чудо, достойное русских. Как любят нас иностранцы!»¹⁶

От Пушкина, таким образом, в 1829 г. ожидали и военной оды, и гимна подвигам великодушия¹⁷. В точности неизвестно, где и когда он узнал о заключении Адрианопольского договора — на возвратном ли пути из действующей армии или уже в Москве, т. е. около 20 сентября. В любом случае стихотворение «Олегов щит», как установлено недавно в результате текстологического анализа, писалось в Москве во второй половине сентября 1829 г.¹⁸ И это обстоятельство, на наш взгляд, имеет немаловажное значение.

Одним из постоянных собеседников Пушкина в конце сентября — начале октября 1829 г. являлся Погодин¹⁹, от которого поэт должен был услышать о московских толках, диссонировавших с официальными суждениями по поводу итогов войны. 30 сентября 1829 г. Погодин сообщал Шевыреву: «У нас теперь все радуются миру. Жалеют только, что слишком великодушно поступили, а великодушие в политике не имеет курса»²⁰. При публикации погодинских корреспонденций Шевыреву П. И. Бартнев дал здесь примечание, в котором привел рассказ графа С. Г. Строганова о встрече с Николаем I осенью 1829 г.: «„Что говорят в Москве?“ — спросил его государь. — „Москва жалеет, что не занял Константинополь. Старики вспоминают екатерининское время и вздыхают“. — „А я так рад, что у меня общего с этою женщиною только профиль лица“, — резко отозвался Николай Павлович»²¹. Екатеринбургские ветераны, разумеется, не забыли возникшую в последней четверти XVIII в. идею уничтожения Турции и основания на ее месте Греческой империи под скипетром представителя дома Романовых и со столицей в Константинополе. Не касаясь здесь вопроса о том, служил ли так называемый греческий проект Екатерины II лишь для камуфляжа истинных планов российских верхов или все-таки он отражал некую политическую концепцию²², выделим два эпизода, которые достаточно характеризуют атмосферу при дворе в тот период. Год 1779-й: рождение второго внука императрицы, сопровождавшееся и ее собственными многозначительными на-

меками («Меня спросили, кто будет восприемником? Я сказала: не знаю лучшего, как только мой друг Абдул Гамид (турецкий султан. — А.О.). Но поскольку христианин не может быть крещен турком, то окажем ему честь хоть тем, что назовем новорожденного Константином. И все воскликнули: Константин!»²³), и простодушными декларациями стихотворцев («Се Константин восстал! ликуйте мудры греки: Возобновятся вам прошедши сладки веки...»), и демонстративными акциями (в честь младенца была отчеканена медаль с изображением храма Святой Софии). Год 1790-й: постановка — в период русско-турецкой войны — пьесы Екатерины II «Начальное правление Олега» (с И. А. Дмитриевским в главной роли), в последнем акте которой фигурировал щит, прикрепленный князем на константинопольском ипподроме²⁴.

Есть все основания полагать, что в конце лета — начале осени 1829 г. тема «Екатерина II и Константинополь» стала актуальной и для Пушкина, причем итоги закончившейся войны могли быть осмыслены именно в свете негативного отношения Николая I к политическому наследию своей бабки. (В ту пору, напомним, в Москве еще не располагали информацией ни об истинных мотивах, побудивших петербургский кабинет заключить «великодушный» договор в Адрианополе, ни о малочисленности передовых отрядов Дибича, вышедших к турецкой столице.) В этой связи неизбежно всплывало имя только что отметившего пятидесятилетие великого князя Константина Павловича — несостоявшегося константинопольского монарха и несостоявшегося русского императора, права которого на русский престол народное сознание отождествляло с отцовским письмом и порфирой, якобы полученными им в Царьграде и Иерусалиме²⁵. Пушкин, возможно, был осведомлен о конфликте обоих Павловичей, произошедшем весной 1828 г., при начале турецкой кампании. «Помню, что государь думал отправить часть польской армии в поход, — свидетельствовала позже А. Д. Блудова, дочь Д. Н. Блудова (бывшего члена «Арзамаса», сделавшего карьеру в николаевскую эпоху). — <...> Великий князь Константин Павлович не согласился с этим мнением, хотел удержать, сохранить свою армию; и точно, он сохранил ее в целости против себя и России. Помню, что батюшка и все наши друзья находили это большой, несчастной ошибкой; но положение великого князя и отношение государя к нему были такие особенные, такие ненормальные, что уступка желанию старшего брата была необходимой»²⁶.

Соответственно, в общей исторической ретроспективе весьма сомнительной выглядела преемственная связь походов Олега,

Екатерины II и Николая I, декларированная в прозе и стихах 1829 г.²⁷ Из письма Пушкина Рылеву (см. прим. 6) явствует, что он отказывался включить «язычника Олега» даже в весьма широко понимаемое родословие православных московских царей (тем более петербургских императоров)²⁸; что же касается времен новейших, то восточная политика Николая I ассоциировалась скорее с позицией Александра I, в период греческого восстания, когда определенная часть общества напрасно ожидала реализации екатерининского «проекта» (см. в письме генерал-лейтенанта А. Я. Рудзевича начальнику штаба II армии П. Д. Киселеву от 13 марта 1821 г.: «... пора, да и давно пора приняться нам за оружие — быть участниками восстановления греческого царства <...> и царь у нас Константин для них есть»²⁹).

3.

Очередная книжка московского журнала «Галатей», где было опубликовано стихотворение «О наша крепость и оплот...», увидела свет в первые дни пребывания Пушкина в старой столице. Погодин — давний знакомец как С. Е. Раича, издателя «Галатей», так и Тютчева, — мог быть осведомлен об авторстве последнего по отношению к этому тексту; еще более вероятно, что он обратил на него внимание Пушкина. Не расположенному воспевать ни воинскую доблесть, ни «великодушные» деяния (показательно, что наброски стихотворений «Восстань, о Греция, восстань...» и «Опять увенчаны мы славой...» остались незавершенными³⁰), Пушкину прежде всего был важен прецедент, созданный автором анонимного стихотворения. Тема турецкой войны переводилась в иной, более общий план, который уже не подразумевал прямой оценки.

Пушкин, однако, использовал эффект переключения только в финале «Олегова щита». Причем акцентированность политического аспекта описываемых событий — обе строфы насыщены конкретными приметами определенных эпох («воинственный *варяг*», посрамивший «строптивых греков», пригвозждает свой щит на «цареградских воротах»; ср. ниже: «... мы <...> *К Стамбулу* грозно притекли...»), само развитие сюжета («Твой путь мы снова обрели...») не предусматривают возможности амбивалентной кульминации. С. А. Фомичев недавно предположил, что Пушкин, от внимания которого не укрылось «разительное совпадение в датах заключения Адрианопольского мира и договора славян с греками, явившегося следствием похода Олега на

Царьград», хотел подчеркнуть как раз «парадоксальное несходство двух исторических событий»³¹. Как представляется, в пушкинском тексте подчеркнута иллюзорность самых соблазнительных исторических аналогий; подчеркнута невозможность проекции одного исторического ряда на другие — даже весьма схожие по внешнему впечатлению.

Повышенная же смысловая вместимость *Олегова щита*, на наш взгляд, была предуказана Пушкину именно тютчевским стихотворением.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь стихотворения «О наша крепость и оплот...» и «Видение» по ошибке напечатаны слитно. Первое из них с 1854 г. известно под заглавием «Олегов щит».
- ² Сев. пчела, 1829, № 100, 20 авг. «Знаменитых» ворот в Константинополь давно не существовало; их заменила Семибашенная стена — одно из шести сооружений, защищавших подступ к Стамбулу (см.: [Муравьев А. Н.] Путешествие ко Святым местам в 1830 году. 2-е изд. СПб., 1833, ч. 1, с. 50).
- ³ Предположительно датируется первой половиной 1829 г. Написано или в Мюнхене, где Тютчев служил в русской дипломатической миссии, или в Италии, где он находился летом 1829 г. (см.: ВТЧ, с. 267).
- ⁴ Памятники литературы Древней Руси. (...) XI — начало XII века. М., 1978, с. 46.
- ⁵ Кратко изложив сюжет, Карамзин от себя добавил о «храбрых товарищах» Олега, «которые смотрят на сей щит как на верную цель своих подвигов» (*Карамзин Н. М.* Соч. Л., 1984, т. 2, с. 156). См. развитие этого мотива в «Сказании об Ольге» З. А. Волконской, где Олеговы дружинники — спустя время после заключения договора с греками — требуют от князя вести их в новый поход: «Не к воротам уж приколотим щит свой, а к груди самого Царя!»
- ⁶ В мае 1825 г. Пушкин упрекнул автора: «Древний герб, С(вятой) Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде». Это замечание, подхваченное в научной литературе, должно быть скорректировано, поскольку «поэтическая вольность» Рылеева, — скорее всего, рефлекс конкретной исторической традиции (см.: *Формозов А. А.* Заметки о Пушкине. — Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 132—133).
- ⁷ Моск. телеграф, 1829, ч. 29, № 18, сент., с. 260.
- ⁸ Кроме того, в редакции 1854 г. были унифицированы написания «Аллах» (вместо «Алла») и «Стамбул» (вместо «Истамбул»).
- ⁹ Р. Лэйн тождественно интерпретирует оригинальное и переводное стихотворения 1829 г., помещая их в один ряд с образцами политической лирики Тютчева конца 40-х — начала 50-х гг. (см. его статью: *Lane R.* Russia and the Revolution in Tyutchev's Poetry: Some Poems of 1828—1830. — Slavic and East European Review, 1973, № LI, 121, p. 224). Однако интересующий нас поэтический текст неправомерно сближать со стихотворными манифестами более позднего периода, в которых тема Константинополя трактуется исключительно в духе панславистской доктрины.

- ¹⁰ [Б. п.] Эмине-Даг. — Сев. пчела, 1829, № 94, 6 авг.
- ¹¹ Шеллер А. И. Переход российских войск чрез Балканские горы. — Там же, 1829, № 123, 12 окт.
- ¹² [Б. п.] Забалканская песня. — Моск. телеграф, 1829, ч. 29, № 18, сент., с. 260.
- ¹³ Если бы это случилось, Россия могла быть втянута в военную конфронтацию с ведущими европейскими державами (см.: Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 115—116; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 91—94).
- ¹⁴ См.: Рус. старина, 1891, № 4, с. 50—52. О настроении в армии в момент подписания мирного договора свидетельствует дневниковая запись А. Н. Вульфа 6(18) сентября 1829 г.: «Во всем корпусе, верно, нашлось мало людей, которые сердечного не порадовались окончанию войны» (Вульф А. Н. Дневники. М., 1929, с. 215).
- ¹⁵ О мире с Османской Портою. Письмо приятелю, из С.-Петербурга в Лондон. — Сев. пчела, 1829, № 118, 1 окт.
- ¹⁶ Моск. вестник, 1830, ч. 1, № 1, с. 117. Подробнее см.: Осоват А. Л. К литературным отношениям Пушкина и С. П. Шевырева. — В кн.: Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983, с. 61—65.
- ¹⁷ См.: Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 194.
- ¹⁸ См.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986, т. 12, с. 258, 276.
- ¹⁹ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 18.
- ²⁰ Рус. архив, 1882, кн. 3, с. 115.
- ²¹ Там же.
- ²² См., например: Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) — История СССР, 1958, № 4, с. 52—78; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972, с. 36—42.
- ²³ Письмо Екатерины II Ф. М. Гримму от 7 мая 1779 г. (Сб. РИО. СПб., 1878, т. 23, с. 136).
- ²⁴ Подробнее см.: Бочкарев В. А. Жанровое своеобразие исторических пьес Екатерины II. — В кн.: Русская драматургия XVIII—XIX веков. Куйбышев, 1986, с. 18—27.
- ²⁵ См.: Чернов С. Н. Слухи 1825—1826 годов (Фольклор и история). — В кн.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, с. 332—333. В письме П. А. Катенину от 4 дек. 1825 г. Пушкин аттестовал Константина Павловича как романтического героя («бурная его мелодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Бахлаем напоминают Генриха V»).
- ²⁶ Рус. архив, 1875, кн. 2, с. 192—193.
- ²⁷ Из цитированных выше текстов см. в особенности элегию Теплякова. Ср. позднейшую манифестацию этой темы у Тютчева в 1850 г.: «То, что Олеговы дружины Ходили добывать мечом, То, что орел Екатерины Уж прикрывал своим крылом, — Венца и скиптра Византии Вам не удастся нас лишить...» («Нет, карлик мой! трус беспримерный!..»).
- ²⁸ Об этом недавно писал С. А. Фомичев, который почему-то причислил расстраиваемое стихотворение Тютчева к группе текстов, в которых язычник Олег предстает «вдохновителем победы России над мусульманским Стамбулом» (Фомичев С. А. «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов щит». — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1981, с. 131). Заметим по-

путно, что православная традиция последовательно отвергала имя Олег, распространившееся только в конце XIX в. (см.: *Shevelov G.* Олег: Проблематика восточнославянского антропонима. — *Russian Linguistics*, 1985, vol. 9, № 2—3, p. 355—356).

- ²⁹ Цит. по: *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...» М., 1975, с. 174.
- ³⁰ Ср. анализ опубликованных кавказских стихотворений Пушкина в статье Тынянова «О „Путешествии в Арзрум”» (*Тынянов Ю. Н.* Указ. соч., с. 194—196).
- ³¹ *Фомичев С. А.* Указ. соч., с. 129—130. Договор между Русью и Византией был заключен «мѣсяца сентября 2, индикта 15, в лѣто создания мира 6420 (911 г.)» (Памятники литературы Древней Руси. (. . .) XI — начало XII века, с. 52).

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

ТРЕТЬИ ТЫНЯНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

РИГА «ЗИНАТНЕ» 1988